

ПОЭЗИЯ ВЕНИАМИНА БЛАЖЕННЫХ \АЙЗЕНШТАДТА\ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ДУХОВНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

В этом году исполнилось десять лет со дня кончины поэта Вениамина Айзенштадта, более известного под псевдонимом Блаженных \ Блаженный\ – это вполне достойный повод вспомнить о поэте, подвести итоги, взглянуть сегодняшними глазами на творчество этого неординарного, оригинального поэта, родившегося в Копыси, на оршанщине, в 1921 году, после войны жившего и писавшего в Минске стихи на русском языке. Первая книга В. Айзенштадта в Белоруссии называлась «Слух сердца», она датирована 1990-ым годом [1]. В этом же году в Москве вышла первая книга поэта Вениамина Блаженных «Возвращение к душе» [2]. Это был год двойного юбилея одного поэта. Для нас, живущих тогда в Минске, присутствие в культурном поле города поэта такого масштаба не могло не ощущаться.

Небезинтересно отметить, что книга, вышедшая в Москве, вышла более представительной и была вполне благосклонно отмечена критикой. В отличие от книги, вышедшей в Минске, которую критика просто не замечена. Правда, и составлена она была более осторожно, да и по объему отставала от московской. Однако тематические разделы в том и другом сборнике практически совпадают.

При этом надо помнить, что стихи, вошедшие в оба сборника, писались практически на протяжении тридцати лет, предшествующих их первой публикации. Эти стихи поражают при первом прочтении и остаются в памяти надолго, если не навсегда, прежде всего, благодаря необычности тематической, своим содержанием, а не формой, которая вполне традиционна, временами даже вторична. Лирическое «я» поэта – это бродяга-«нищоброд», не встречаемый доселе в поэзии на русском языке в семидесятые-восемидесятые годы прошлого века.

В стихах поэта отсутствуют «перегородки» между миром живых и миром мертвых, идёт непрерывающийся диалог с ушедшими родителями и с Богом – причём именно с Ним вполне запросто, с Господом, принимающим вид то бродячего пса, то самого Иисуса:

Сколько лет нам, господь?
Век за веком с тобой мы стареем...
Помню как на рассвете, на въезде в Иерусалим,
Я беседовал долго со странствующим иудеем,
А потом оказалось – беседовал с Богом самим.

Это было давно – я тогда был подростком безусым,
Был простым пастухом и овец по нагорьям пас.
И таким показалось прекрасным лицо Иисуса,
Что не мог отвести от него я восторженных глаз.

А потом до меня доходили тревожные вести –
Что распят мой Господь, обучавший весь мир доброте,
Но из мертвых восстал, и опять во вселенной мы вместе –
Те же камни и тропы, и овцы на взгорьях все те.

Вот и стали мы оба с Тобой, мой Господь, стариками,
Мы познали судьбу, мы в гробу побывали не раз,
И устало садимся на тот же пастушеский камень,
И с тебя не свожу я, как прежде, восторженных глаз.

Вовремя были напечатаны оба первых сборника Вениамина Азенштадта-Блаженных! Уже в 1991 году журнал «Вопросы литературы» целиком посвятил августовский номер проблеме «религия и литература», причём именно обозначение проблемы, а не имена авторов статей, как обычно, было вынесено на обложку [3], констатируя тем самым «крах самой гигантской атеистической утопии в истории человечества». Открывающий дискуссию редактор журнала Дмитрий Урнов

Начал свое выступление словами: «У нас совершается нечто вроде контрреформации. Известно, что наша реформация, в отличие от антицерковного движения эпохи Возрождения в Западной Европе, заключалась не в преображении церкви, а в стремлении вовсе уничтожить её. И контрреформация у нас – это возврат к религии как таковой. Наша литература и здесь оказалась чутким сейсмографом». Не менее чуткими оказались руководители издательств в Минске и в Москве, издавшими за год до этой публикации сборники интересующего нас поэта.

Из написанного о поэзии Вениамина Блаженного – после первой публикации в Москве псевдоним «Блаженных» плавно перетёк просто в «Блаженный» – прежде всего хочется вспомнить эссе известного требовательностью к себе белорусского поэта и тонкого критика Леонида Голубовича [4]: «Паэзія, – пишет он, – гэта не работа, і не дзея, паэзія – гэта стан. Гэта адзнака твайго пастаяннага перараджэння і кляймо пажыццёвага выраку. Пакутнае бяссмерце... Я і сам трохі памятаю, як у свой час адбіваліся ад яго ў СП. Маўляў, ён такі ж малахольны, як яго вершы. Ды і піша не па-нашаму. Нібыта паэзія – не дух, які вее, дзе хоча. Нібыта ў яе не адна Боская мова, якую разумеюць усе, хто яе вывучае. Вось адзін з найбольш знакамітых вершаў:

В колошах на босу ногу,
В засаленном картузе,
Отец торопился к Богу,
Как водится у друзей.

.....

Процессия никудышных
Застыла у Божьих врат...
И глянул тогда Всевышний,
И вещий потупил взгляд.
– Михозл, – сказал он тихо, –
Ко мне ты пришел не зря...
Ты столько изведаль лиха,
И светишься как заря.

Ты столько изведаль бедствий,
Тщедушный мой богатырь...
Позволь же и мне согреться
В лучах твоей доброты.
Позволь же и Мне с сумою
Брести за тобой, как слепцу,
А ты называйся Мною –
Величье тебе к лицу...

Безумоўна, простама смяротнаму тут нельга не засмуціцца душою, каб зразумець унутраны свет паэта менавіта ў момант яго тварэння. Блажэнны як бы ўскладае на сябе місію тварыць – паралельна з Боскім – свой уласны свет. Няхай сабе і мастацкі. Хто гэтаму можа перашкодзіць? Толькі сам Гасподзь. І ці не было пакараннем Гасподнім перыядычныя прыступы вар'яцтва паэта?»

Далее Л. Голубович (подчеркиваем, что вышеупомянутое эссе было опубликовано в 2004 году) удивляется, что до сих пор ни СБП, ни белорусский ПЭН-центр так и не откликнулись на внутренний протест поэта, на его полемику как со Всевышним, так и с земными силами, о чём говорит сам факт его отсутствия в сегодняшней духовной жизни республики.

Однако к настоящему моменту все не так безнадежно – В 2007 году в издательстве БГПУ вышла хрестоматия под названием «Минская школа на рубеже XX-XXI вв», составленная проф. И. С. Скоропановой [5], в которой приведённые тексты стихов Вениамина Блаженного, наряду со стихами нескольких других русскоязычных поэтов Беларуси, рекомендуются для изучения студентам-филологам.

К слову сказать, в России поэзия Блаженного прописана давно – так, первый сборник поэта в Москве вышел с небольшим предисловием авторитетного Николая Панченко (первый минский сборник был, к сожалению, даже небольшого предисловия лишен), к сборнику 1995 года «Сораспятие» предисловие, а точнее сказать – глубокое исследование творчества поэта написала известная поэтесса Татьяна Бек, а в журнале «Новый мир» в 2003 году [6] появилась посвященная поэту статья критика-«поэтоведа» К. Акундинова, который пытается определить генезис, понять истоки непохожести поэзии Вениамина Айзенштадта-Блаженного на своих современников. По мнению критика, одной стороной своего творчества поэт связан с еврейской (хасидской) традицией, другая же безусловно растёт из самых глубинных корней русской культуры, из той почвы, откуда дошли до нас голошения юродивых (Вениамин Блаженный – брат Василия Блаженного), с тайных апокрифов неведомых веков...

Сыщи хоть мертвому мне место,
Хоть душу в памяти спаси...
Известный или неизвестный –
Я был поэтом на Руси.

И в Беларуси – тоже: так заканчивает свое эссе Леонид Голубович, считая главной своей задачей подчеркнуть для литературной общественности глубокий и неординарный талант нашего современника и соотечественника. Об этом же, то есть о принадлежности творчества поэта по меньшей мере

двум культурам – русской и белорусской, было написана, хотя и не опубликована, статья 2000 года и у автора данного сообщения [7]. В частности, в ней содержится посыл внимательно присмотреться именно к белорусской составляющей менталитета поэта: безотчётно, но неизбежно он пропитывается самим духом земли, на которой живёт и творит. Автору сообщения представляется, что творчество Вениамина Блаженного именно таким домашним, «панибратским» отношением к Богу ближе западно-славянскому (чешскому, словацкому) мировосприятию, чем к русскому. Белорусский менталитет определяется особым, бережным отношением к своей земле и ко всему живущему на ней – именно потому, что земля эта часто подвергалась нашествиям и поруганию, все живое надо любить и беречь, ибо кому, как не белорусу, знать, до чего оно, живое, хрупко и уязвимо. Единство живого – одна из постоянных тематических линий поэзии В. Блаженного:

Мне не доступны ваши речи
На людных сборищах столиц.
Я изъяснялся, сумашедший,
На языке зверей и птиц.

.....

Моление о кошках и собаках,
О маленьких изгоях бытия,
Живущих на помойках и оврагах
И вечно неприкаянных, как я...

Вениамин Блаженный писал стихи, в которых можно почувствовать Живого Бога – через живую тварь, через её боль. А вот текст одного из высказываний св. Франциска Ассизского: «Все создания, обитающие под небом, служат, знают и повинуются Создателю своему лучше тебя – обращается он к человеку – даже демоны не распяли его. Но ты распял и охотно распинаешь в пороках и грехах своих. Так чем же ты можешь гордиться?» [8]. Святой Франциск Ассизский, как и все святые XII века, был дитя народа, понимая все его материальные и нравственные нужды: вся христианская Европа, истерзанная страхом перед Страшным судом, тщетно искала дороги к спасению и жаждала мира и спокойствия души. Франциск Ассизский стремился к обновлению души путём возрождения христианства в его первобытной чистоте. Цитирование можно продолжить: у св. Франциска природа одухотворена не потому, что она сама – Бог (как у пантеистов), но потому, что Бог дал ей душу. У Франциска было острое, глубоко-личное чувство Христа; вездесущее Божие есть и пребывание Бога в природе: проповеди Франциска сестрам ласточкам и братьям цветам имеют особый и глубочайший смысл. Но главное в учение одного из самых неповторимых западнохристианских святых – учение о смирении и о красоте бедности – бесспорно позволяет отнести его к одному из источников оригинального по своей идейной сущности творчества белорусского поэта, все стихи которого проникнуты именно этим великим смирением.

Из европейских писателей начала XX века этого же мировосприятия придерживался Г. С. Честертон, один из разделов его знаменитой на весь мир

книги о неповторимой мудрости неуклюжего маленького священника так и называется: «Неведение отца Брауна», где само слово «неведение» подчёркивает именно смирение того, кто более других мог бы претендовать на мудрость. А в предисловии к книге «Неизвестный Честертон» переводчик и литературовед Н. Трауберг пишет: «Не случайно его (Честертон!) сравнивают с юродивыми и блаженными в евангелическом смысле этого слова. В церковнославянском языке есть слово «радостоскорбие». Честертону оно бы очень подошло [9].

Естественно в объеме данного сообщения тема генезиса традиций и корней творчества белорусско-русского поэта Вениамина Айзенштадта-Блаженного только намечается и требует дальнейшего пристального исследования.

Литература

1. Айзенштадт В. Слух сердца. Минск, 1990.
2. Блаженных В. Возвращение к душе. М., 1990.
3. Вопросы литературы. 1991. №8.
4. Голубович Л. Веніямін Блажэнны: Па слядах публікацый // ЛіМ. 2004.
5. Минская школа на рубеже XX-XXI вв. Минск, 2007.
6. Акундинов К. Стезей избытка // Новый мир. 2003. №1.
7. Турбина Л. Русская поэзия XX века – преемственность духовной проблематики. М., 2007.
8. Цветочки святого Франциска Ассизского. М., 1990.
9. Трауберг Н. Полное собрание произведений об отце Брауне в одном томе. М., 2008.